

ФИЛОСОФИЯ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Е. И. ЗАМЯТИНА, А.П. ПЛАТОНОВА И М.М. ПРИШВИНА

Попова Ирина Владимировна
Доцент,
ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ
Мичуринск, Россия.

Аннотация: В статье рассматривается идея цикличности существования мира. Получает обоснование мысль о том, что философы и литераторы с древнейших времен и до современности затрагивали вопрос прерывания обычного хода событий элементами деструктуризации общества (наступление хаоса).

Автором была предпринята попытка доказать, что на конкретных примерах из жизни государств и отдельных социальных процессов, происходящих в обществе, русские писатели пытались дать рецепты предотвращения наступления очередной эры хаоса. Е.И. Замятин, А.П. Платонов, М.М. Пришвин предложили рассматривать развитие Вселенной и социума по единым законам и построили модели этого постулата в виде художественных образов, утвердили в форме публицистических эссе, философских работ и дневниковых записей. Модели эти философски и художественно очень убедительны, порукой тому несомненный талант и связанная с ним поразительная сверхчувствительность творцов.

Ключевые слова: Замятин, Платонов, Пришвин, художественный образ, философия, время, цикличность, хаос.

Контакты автора: Popovaiv@yandex.ru

Во вступительном слове к исторической драме «Огни св. Доминика» Евгений Иванович Замятин строит интересную историософскую гипотезу о рождении и угасании идей, подобных животному организму: в муках они явились на свет – в муках и уходят, только вначале мучают адептов новой религии, а затем последователи этих страстотерпцев истязают своих противников. На плаху или костер восходит новая религия или новая идея, которая страдает, пока «молода», и приносит бедствия и муки перед самым, своим «концом». Палачество есть признак агонии идеологии и, напротив: страдания есть признак зарождения нового мира.

При всей замятинской поэтизации в этой гипотезе вполне отчетливо видны собственные, а не отраженные (чужие) взгляды писателя на бытие человечества. Во-первых, Е. И. Замятин определяет внешние признаки начала и завершения развития цивилизации (а не только народа, этноса). Для него этими признаками являются страдания людей, воплотившиеся в форму исторического эксцесса. Писатель вполне ясно понимает, что в той или иной мере человек страдал всегда, но в отдельные моменты истории страдания количественно и качественно превышают некоторую критическую черту и воспринимаются людьми уже не как частный случай, а как событие с отрицательным знаком – эксцесс. Именно нарушение установившегося общественного порядка является законом изменения ценностных ориентиров данной цивилизации, что, в конечном счете, приводит к смене одних народов другими. Во-вторых, Замятин наблюдает и художественно воплощает корреляцию признаков угасания цивилизации со вторым законом термодинамики. В дряхлеющей идее он замечает признаки энтропии, описанные в физике. В-третьих, готовность адептов новой идеи к страданию, по Замятину, есть главный признак грядущей победы возникающего учения «вновь родившегося» народа. Страдания – нечто вроде «наведенной индукции», энергетический посыл «извне», благодаря которому получает инерцию развития новая цивилизация или идея. В свете подобного предположения получают новое

мифологическое звучание и некоторые художественные произведения Замятина, в частности, повесть «Наводнение» (1929), справедливо названная «космогонической» [1, с. 11].

Космогоничность здесь и в образе наводнения, характерного для мировой литературы, начиная с описания Потопа, и особенно в зашифрованной мифе о страданиях Великой Матери, рождающей в муках жизнь человека нового общества, народа. При этом рождении боль, смерть, предательство – закономерные события, а не случайные флюктуации сознания людей. В статье «Христианский контекст творчества М.М. Пришвина» Н.М. Попов отмечает, что «Величайшие страдания народов открыли Пришвину тайну христианской эсхатологии, т. е. глубинного постижение Евангелия, он поневоле начал с последней Новозаветной книги – Апокалипсиса» [2, с. 113]. Мученичество, а равно и палачество, есть следствие энтропийного процесса, завершение которого описано в повести Замятина «Уездное» (1912). Жизнь маленького городка – это цивилизация в миниатюре, царство дремучего обывателя, защищающего свое благополучие любыми средствами. Если внимательно присмотреться, то инквизиторы из «Огней св. Доминика» и хранители из романа «Мы» – это тоже обыватели, стремящиеся замедлить ход истории доступными им методами. В методах, в возможностях их применения, заключен двойной смысл: действия энтропийной идеи зеркально повторяют ее же собственную историю и своеобразно защищают эту историю от энергичного чужеродного вторжения, они охранительны по сути и одновременно обнаруживают чрезвычайную слабость власти. Террор, согласно Замятину, – признак слабости, а не силы. Действительно, сильный на слово ответит убедительным словом, на мечту – более яркой мечтой. Слабый же за слово и мечту воздаст пыткой и смертью. Иных доводов у него нет.

У народившейся идеи есть и сила, и страдание, но нет одного – истории. Она побеждает не только благодаря готовности своих адептов к смерти, но и потому, что прежняя история закончилась, ослабла, прошла отмеренный срок. Е.И. Замятин – автор гипотезы о цикличности социальных процессов – очень

убедителен в художественных произведениях, но при анализе реальной истории, например, истории альбигойцев, его поэтика только скользит по «поверхности» событийного ряда, не затрагивая глубинных причин «первой инквизиции», поэтому кажется, что художник «побеждает» историка или историософа. Нет ли в его выводах преувеличения? За ответом обратимся к творчеству еще одного знатока проблемы разрушения старого строя – А.П.Платонову.

Персонажей в книгах Платонова, как заметили исследователи, не просто много, а очень много, например, в романе «Чевенгур» – более двухсот семидесяти, но они не сливаются в толпу, а обладают собственной индивидуальностью. Отмечено, что в первый период творчества Платонова мысли, чаяния, мечты, да и просто физические действия героев его книг разнонаправлены, более того, векторы – доминанты их судеб – имеют такие причудливые пути, которые могли быть рождены только мощной фантазией А.П.Платонова, обусловленной ирреальной реальностью тех лет

Люди и их судьбы в творчестве писателя в двадцатые годы представляют собой как бы молекулы, находящиеся в хаотичном броуновском движении. Перед нами – некая паровая машина, обладающая внутренней энергией, но, что очень важно, фактически не совершающая никакой полезной работы. Социум, описанный Платоновым, переживает тот же самый классический энтропийный процесс. Смерть и муки людей являются, по сути, взаимной аннигиляцией противоположно заряженных частиц, а не злодейством. Платонов вводит своих героев не куда-нибудь, а в античную космологию, которая в общих чертах совпадает с современной физической картиной рождения мира. Согласно древнегреческим мифам, начальной стадией Вселенной был хаос, причем хаотичная квазисистема характеризовалась не отсутствием энергии, а отсутствием движения в едином направлении, поскольку еще нет времени, нет истории.

В творчестве Платонова тридцатых годов, начиная с повести «Джан» (1931), личностная ориентация деятельности людей получает единое и

осмысленное направление благодаря обретению исторической памяти. Платоновский паровоз поставлен на рельсы истории, появилось движение: из прошлого в будущее. Соответствует ли это античной Космогонии? До деталей! Хаос там сменяется упорядоченным космосом после рождения Хроноса – времени. Платонов выстраивает и иерархию постижения времени людьми. Вначале это их собственная жизнь, например, странствия, обретшие определенную исходную точку и внятную цель. Затем, согласно иерархии, следует семья как выражение личностно-исторической памяти (пути от предков к потомкам), далее – история народа и человечества.

Итак, в двадцатых годах в творчестве Платонова господствует поэзия хаоса, а в тридцатых – поэзия упорядоченного космоса. И Е.И.Замятин, и А.П.Платонов неопровержимо доказали, что у хаоса тоже может быть поэзия, если это состояние материи рассматривать не как крах Вселенной, а как «родовую горячку» (из «Наводнения») новой цивилизации. Паровой котел, даже и не совершающий полезной работы, может стать объектом поэтизации только в одном случае: если люди возле него греются. Это тепло, которое распространяют «бестолковые» герои Платонова и «жертвенные» люди Замятина – высокий и пронзительный накал человеческой жалости, который окружает читателя плотным ореолом.

Именно в эмоциональной области, в поэзии лежат исторические открытия Платонова и Замятина, обладающих сверхчувствительностью художников, которая позволяет преодолеть инерцию предрассудков погибшей цивилизации и увидеть грядущее в кровавом побоище, происходящем вокруг. Само отношение персонажей к смерти есть главный признак – маркер, по которому можно определить преобразование хаоса в космос. В состоянии вневременья смерти как бы нет, есть смена состояния материи или аннигиляция.

Мир в описании Замятина не несет столь яркого маркера, поэтому он походит на иной, не менее древний космогонический миф, только индуистский, о ведической триаде, где «главный бог» – Брахма – спит, и во время его сна Вселенная «портится». Брахма просыпается, уничтожает прежний мир и на его

месте создает новый.

Н.М. Попов писал: «... множество писателей и особенно философов вели поиск новой религиозной экзегетики и эсхатологии ... Спасение в вере – это вполне традиционный путь православного человека, однако русские мыслители сделали попытку постичь разумом бытие Божие и пересмотреть догмы Церкви, поэтому все они в той или иной мере стали авторами еретических концепций, отступающих от духа и буквы Святоотеческой традиции» [3, с. 74].

Поскольку мы рассматриваем проблему глобальной космогонии революционной России, нельзя не упомянуть в ряду писателей, отдавших дань историософскому анализу современности, М.М.Пришвина, который предложил собственную, линейно-циклическую модель времени [4, с. 67]. При гипотетическом наложении линейно-циклического (мерцающего) ритма на материю возникает аналогия еще с одним, древним и очень экзотическим философским учением – «дао», где Вселенная то сжимается в точку, то расширяется до бесконечности, а время следует по пути дао, подобно колеснице.

Из всего этого разнообразия вопросов космогонии можно сделать вывод о том, что художественное осмысление бытия у писателей отражает не только традиции древних мифов, но и состояние современной науки, поскольку как раз в это же время, в двадцатых годах, русский ученый А.А.Фридман и американец Э.Хаббл математически и экспериментально доказали постулат о расширяющейся Вселенной в теории «большого взрыва». Древние знания поразительно совпали с современными открытиями реликтового излучения и красного смещения, но в социальных системах до сих пор считаются основными теории линейного прогресса или линейного регресса со всеми частными модификациями, вроде восходящей спирали или теории «вызова и ответа». Однако три писателя – Замятин, Платонов, Пришвин и философ Леонтьев – предложили рассматривать развитие Вселенной и социума по единым законам и построили модели этого постулата в виде художественных образов, утвердили в форме публицистических эссе, философских работ и дневниковых записей.

Все четверо едины в понимании глубоко языческих основ революции,

которая стала расплатой за русское «двоеверие», языческой реакцией, рождением нового Хроноса в христианской стране, цивилизационным сломом, последовавшим за энтропийным процессом в России. Он случился меньше века назад – исторически ничтожный отрезок времени, поэтому большинство людей, из-за абберации близости, не могут оценить силу направленность изменений общества после социального «большого взрыва». Видны только частности, а для глобального анализа общества так не хватает новых Платонова. Замятина, Пришвина и Леонтьева. Возможно, нам следу пойти по более простому пути, экстраполировав их историософию на время начала третьего тысячелетия. И этот путь, освещенный гением их творчества, будет достойным и плодотворным.

Список литературы

1. Желтова Н.Ю. Проза Е.И.Замятина: поэтика русского национального характера. Автореферат ... дисс... к. ф. н. – Тамбов, 1999.
2. Попов Н.М. Христианский контекст творчества М.М. Пришвина // Литература и культура в контексте христианства. Образы, символы, лирика России. Материалы V Международной научной конференции. – Ульяновск, 2008.
3. Попов Н.М. Власть и идея прогресса в России в начале XX века // Образ России в отечественной литературе. От «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона до «Пирамиды» Л.М. Леонова. Материалы VI Международной научной конференции. – Ульяновск. 2009.
4. Пришвин М. М. Дневник 1932 г., 7 января // Октябрь. 1990. № 1.

**PHILOSOPHY OF SPACE AND TIME IN WORKS E. I. ZAMYATINA,
A. P. PLATONOV AND M. M. PRISHVIN**

Popova Irina Vladimirovna
Senior lecturer,
Michurinsk State Agrarian University.
Michurinsk, Russia

Annotation

The article deals with the idea of cyclical existence of the world. The author substantiates the idea that philosophers and writers from ancient times to the present day have touched upon the issue of interruption of the usual course of events by elements of deconstructurization of society (chaos). The author made an attempt to prove that on concrete examples from life of the States and the separate social processes occurring in society, the Russian writers tried to give recipes of prevention of approach of the next era of chaos. E. I. Zamyatin, A. p. Platonov, M. M. Prishvin proposed to consider the development of the Universe and society under the same laws and built models of this postulate in the form of artistic images, approved in the form of journalistic essays, philosophical works and diary entries. These models are philosophically and artistically very compelling, this is guaranteed by the undoubted talent and the associated striking hypersensitivity of the creators.

Key words: Zamyatin, Platonov, Prishvin, artistic image, philosophy, time, cyclicity, chaos.

Author's contacts: Popovaiv@yandex.ru